

НАШИ ПРЕЗЕНТАЦИИ

К 130-летию Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс

Данный номер журнала «Развитие личности» посвящен 130-летию со дня рождения русского зоопсихолога, приматолога и музееведа, сооснователя Дарвиновского музея в Москве, старшего научного сотрудника Института философии АН СССР, Заслуженного деятеля науки, доктора биологических наук Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс (1889–1963).

Н.Н. Ладыгина-Котс родилась 19 мая 1889 года в г. Кузнецке Саратовской губернии (ныне Пензенской области) в семье бывшего крепостного крестьянина, чиновника, позднее учителя музыки и пения Пензенского реального училища. Среднее образование получила в Пензенской гимназии. В 1908 г. поступила на Московские высшие женские курсы, которые окончила в 1917 г. Супруг Александр Федорович Котс – профессор Московских высших женских курсов, основоположник и директор музея Чарлза Дарвина, расположенного в части здания Московских высших женских курсов, а также основоположник и директор Московского зоопарка.

Надежда Николаевна вместе с Александром Федоровичем явилась основоположником Государственного Дарвиновского музея в Москве. При формировании основы обширной коллекции фонда и фильмотеки музея Дарвина Н.Н. Ладыгина-Котс сотрудничала с талантливыми отечественными художниками-анималистами, скульпторами, таксидермистами, фотографами своего времени.

Помимо работы в музее Надежда Николаевна занималась исследованиями поведения животных, которые принесли ей мировую известность. Для получения точных и однозначных результатов, она проводила крупные серии экспериментов (изучала поведение низших и высших приматов; тщательно наблюдала за поведением своего малолетнего сына Рудольфа; интересовалась развитием инстинктов попугаев, врановых и домашних птиц: кур, гусей, фазанов, павлинов, лебедей; исследовала реакции на зрительные стимулы собак и волков и т. д.).

Н.Н. Ладыгина-Котс является автором многочисленных трудов по проблемам психики животных, среди которых: Исследование познавательных способностей шимпанзе. М., 1923; Приспособительные моторные навыки макаки в условиях эксперимента. М., 1926; Дитя шимпанзе и дитя

человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. М., 1935; Развитие психики в процессе эволюции организмов. М., 1958; Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян. М., 1959; Предпосылки человеческого мышления (подражательное конструирование обезьяной и детьми). М., 1965; многочисленные статьи, опубликованные в ведущих отечественных и зарубежных изданиях.

С именем Н.Н. Ладыгиной-Котс связан расцвет отечественной детской и общей психологии, приматологии и антропологии. Заслуги Н.Н. Ладыгиной-Котс в области зоопсихологии, этологии, эволюционизма, детской и сравнительной психологии были признаны и высоко оценены ее коллегами в СССР, США и Европе. Диапазон научных интересов Надежды Николаевны был крайне широк.

В этом номере собраны статьи ученых различных направлений (психология, биология, музееведение), лично знавших Надежду Николаевну, а также тех, кто исследует и хранит ее научное наследие.

Валерия Мухина

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА ЛАДЫГИНА-КОТС: МОЕ ВИДЕНИЕ ЕЕ ЛИЧНОСТИ СКВОЗЬ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

Господи! Введи достойных людей
в память сфер Великого идеополя
общественного самосознания и не дай им
там затеряться.
Сохрани их идеи и деяния для грядущих
поколений, Господи!

*Моя молитва о лучших представителях
рода человеческого. Валерия Мухина*

Младенец женского пола Надюша, Нади, Наденька появилась на свет 6 [18] мая 1889 года, к бесконечной радости родителей – папы Николая Федоровича и мамы Ларисы Ивановны Ладыгиных.

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс (1889–1963) – уникальный исследователь-натуралист, красавица и по-настоящему духовный, интеллигентный человек.

Ее капитальные труды по проблемам психики животных: «Исследование познавательных способностей шимпанзе» (1923), «Приспособительные

Надежда Ладыгина
в студенческие годы

моторные навыки макак в условиях эксперимента» (1926), «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях» (1935) [1], «Развитие психики в процессе эволюции организмов» (1958), «Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян (шимпанзе)» (1959) [2], «Предпосылки человеческого мышления (подражательное конструирование обезьяной и детьми)» (1965) и многочисленные статьи, опубликованные в ведущих отечественных журналах и зарубежных изданиях, известны как в нашей стране, так и за рубежом. Жизнь и научная деятельность

Надежды Николаевны – незаурядной, цельной личности, человека большой внутренней культуры, пронизательного ума, такта, скромности, Великой Женщины – являются примером для тех, для кого наука стала смыслом жизни, а сама жизнь – временем реализации всех эволюционно и исторически дарованных человеку сущностей.

Надежда Николаевна родилась в городе Кузнецке Саратовской губернии (ныне Кузнецк входит в состав Пензенской области) в семье учителя музыки и пения Пензенского реального училища. Сразу же после рождения Нади семья переехала в Пензу. Окончив 1-ю Пензенскую гимназию с золотой медалью, в 1908 г. Надежда Николаевна поступила на Московские высшие женские курсы, которые окончила в 1916 г., а спустя год получила диплом Московского университета.

В 1911 г. она вышла замуж за Александра Федоровича Котса (1880–1964) – профессора Высших женских курсов, впоследствии основоположника Дарвиновского музея и одновременно основателя и директора Московского зоопарка. Молодые супруги много путешествовали по Европе, посещали знаменитые музеи и наслаждались красотой архитектурных творений, что не мешало Надежде Николаевне начать проводить эксперименты в основанной ею зоопсихологической лаборатории с макакой-резусом, собаками, попугаями и шимпанзе Иони.

Профессор Александр Федорович Котс был так влюблен в свою Наденьку, что отказался от кругосветного путешествия, «подобного путешествию Чарльза Дарвина на корабле “Бигль”». Два этих человека нашли друг друга для счастливой жизни в любви и в науке.

Надежда Николаевна
и Александр Федорович Котс

Знаменитые эксперименты Н.Н. Ладыгиной-Котс

Я, учась в ту пору в старших классах средней школы, слушала Александра Федоровича с глубоким вниманием: он был большим знатоком учения Чарлза Роберта Дарвина (1809–1882), создателем Дарвиновского музея, размещавшегося в здании главного корпуса бывших Высших женских курсов, впоследствии Второго МГУ, а в годы моего студенчества – Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина.

В 1945 году, после Дня Победы, мама подарила мне, десятилетней девочке, две книжки – «Друзья соперники» Лидии Тыняновой и «Планета обезьян» французского писателя Пьера Буля. Она всегда хотела, чтобы у меня была своя библиотека. И когда наши классный руководитель предложила всем девочкам* принести из дома по одной-две книжки для создания классной библиотеки, я просто не смогла расстаться с книгой Лидии Тыняновой**. К тому времени я успела всем сердцем полюбить девятилетнего Чарлза, а потом и во взрослой его ипостаси, когда он стал настоящим ученым-натуралистом и теоретиком.

Эта книга полностью захватила мой ум и мое сердце. Я была восхищена и маленьким Чарлзом (хорошо чувствовала все его детские проявления: азартные интересы, трогательную незащищенную наивность), и взрослым, уже знаменитым ученым-натуралистом и путешественником, увлеченным познанием эволюции животных и человека.

...Когда Чарлзу Дарвину исполнилось девять лет, его отдали в школу доктора Бутлера, где обучали главным образом латинскому и греческому языкам. Как оказалось, мальчик был совершенно не способен к изучению языков, в чем он сам признавался впоследствии. Кроме того, школьный наставник, доктор Бутлер, заставлял своих учеников сочинять стихи – как он считал, для развития памяти. С этим делом маленькому Чарлзу было уже совсем невозможно справиться.

Но зато у Чарлза в школе было много друзей, которые его очень любили. Однако, пользуясь открытостью, доверчивостью и наивностью ребенка, его вероломные друзья не раз удивляли и обижали Чарлза. Особенно часто ставил его в неловкое положение мальчик по фамилии Гарнет. Он был старше Чарлза, относился к нему снисходительно, но иногда его шутки были злы, непонятны и обидны. Тем не

* В ту пору в СССР было раздельное образование мальчиков и девочек.

** Тынянова Л. Друзья соперники. М.; Л., 1945.

менее Чарлз гордился дружбой с мальчиком, который уже ходил в длинных брюках.

Еще до поступления в школу будущий ученый начал проявлять интерес к собиранию всякого рода коллекций, в том числе раковин, минералов и растений. В десять лет Чарлз начал собирать насекомых (только умерших, так он решил). Затем он стал наблюдать за птицами и даже пытался записывать свои наблюдения.

Достаточно долгое время Чарлз не мог «найти себя»: по настоянию близких изучал медицину, потом готовился стать сельским пастором, но детская страсть к собиранию коллекций насекомых не проходила, возник интерес к лекциям по ботанике профессора Генслоу и далеким экскурсиям, на которых профессор увлекательно рассказывал студентам о растениях и животных, попадавших им по дороге...

Так вышло, что, вернувшись однажды домой в Шрюсбери после экскурсии по Северному Уэльсу, предпринятой с научной целью одним из профессоров Кембриджского университета, Чарлз Дарвин получил письмо от этого профессора.

«Кембридж, 24 августа 1831.

Мой дорогой Дарвин!

Меня просили рекомендовать натуралиста, который мог бы сопровождать капитана Фиц-Роя*, отправляющегося по поручению правительства в экспедицию на корабле “Бигль” для исследования самых отдаленных местностей Южной Америки. Я ответил, что считаю вас лицом, наиболее подходящим для такой должности...

Искренне Ваш,
Генслоу**»

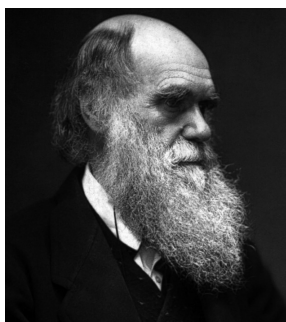
Чарлз Дарвин путешествовал на корабле «Бигль» пять лет. Он объездил всю Южную Америку, побывал в нетронутых рукой человека девственных лесах Бразилии, в лесах Огненной Земли, в плодоносных пампасах и в голых, безводных пространствах Патагонии.

Читая чрезвычайно захватившую меня историю душевного и духовного развития и бытия, я почувствовала себя причастной к жизненному пути и научному подвигу великого мыслителя. Мне было десять лет...

Я осталась верна Чарлзу Дарвину до сей поры.
Уверена, что до конца своих дней.

* *Фиц-Рой Роберт* (1805–1865) – офицер военно-морского флота Великобритании, метеоролог, командир экспедиции корабля «Бигль», генерал-губернатор Новой Зеландии, основатель и руководитель Метеорологического департамента. Впоследствии выступал с критикой учения Ч. Дарвина, которое, по его мнению, противоречило Священному Писанию.

** *Генслоу Джон Стивенс* (1796–1861) – английский ботаник, коллекционер ботанических экземпляров, геолог, профессор минералогии, академик, филантроп и пастор. Был другом и наставником Ч. Дарвина.

Чарлз Роберт Дарвин

Я восхищаюсь Ч. Дарвином, его верностью Богу, его верностью силе и правде своего научного подвига. Он истинный английский джентльмен, принадлежавший к высшим кругам научного сообщества.

Я преклоняюсь перед Чарлзом Дарвином, который честно и глубоко нравственно отреагировал на статью Альфреда Рассела Уоллеса (1823–1913), талантливого натуралиста, путешественника, географа, биолога и антрополога нового поколения. Еще никому не известный естествоиспытатель в своей коротенькой статье излагал идеи, поразительного сходные с дарвиновскими и, как писал об этом

позже сам Ч. Дарвин, «более ясно и кратко», чем у него.

Подобное отношение к «сопернику» вызвало у меня глубокое чувство сердечной радости и восхищения личностью Чарлза Дарвина.

Как известно, первый экземпляр своего «Происхождения видов» Ч. Дарвин послал именно А. Уоллесу. Он писал своему молодому коллеге: «Вы единственный человек, мнение которого будет для меня приговором. Вы прошли тот же путь, что я, и, быть может, мало нового найдете в моей книге. Я уверен в том, что настоящие судьи, как Лайель* и Гукер**, сумеют оценить Ваше участие в создании теории»***.

Альфред Рассел Уоллес

Меня многому научили взаимоотношения двух безусловно истинных ученых, которые весьма поучительно для всех последующих поколений выстраивали свои научные и человеческие отношения.

Я восхищаюсь обоими английскими учеными-эволюционистами – Чарлзом Дарвином и Альфредом Уоллесом, которые одновременно и независимо друг от друга пришли к открытию и пониманию глубин эволюционных процессов****.

* Лайель Чарльз (1797–1875) – основоположник современной геологии, один из самых выдающихся ученых XIX в.

** Гукер Джозеф Долтон (1817–1911) – английский ботаник-систематик, директор Королевского ботанического сада Кью, путешественник. Один из основателей исторической биогеографии растений. Президент Лондонского королевского общества (1873–1878), иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук.

*** Дарвин Ч. Сочинения в 9 т. М.; Л., 1935–1959.

**** Совпадение в рождении идей в философии и науках, а также совпадения в идентичных открытиях закономерностей природных и социальных явлений и изменений учеными одного и того же исторического времени (или в разные временные периоды), учеными одного и того же географического и государственного пространства (или в разных географических и/или в разных государственных пределах) – потрясающий социально-исторический факт особенностей развития сознания человека на разных этапах истории.

Я хотела бы найти время и постараться описать и проанализировать некоторые случаи подобных *совпадений*. В моем сознании некоторое время тому назад родилось ощущение того, что за удивительными совпадениями в научных открытиях и в рождении новых идей стоят реальные изменения, происходящие в историческом сознании человечества, в изменениях потенциальных особенностей научного мышления.

Не могу не вспомнить с благодарностью беседы со мной Александра Федоровича Котса. Он не раз рассказывал о перипетиях научных поисков и отношений между Чарлзом Дарвином и Альфредом Уоллесом. Он так говорил об этих англичанах, что у меня возникало ощущение, что директор Дарвиновского музея был лично хорошо знаком с этими джентльменами и истинными учеными.

Надежда Николаевна иногда присутствовала при общении со мной Александра Федоровича, заинтересованно слушая речи профессора Котса. Иногда, улыбаясь мне, проходила мимо нас в свой кабинет.

Я испытывала чувство глубокой благодарности, когда двое таких серьезных ученых говорили со мной о личности Чарлза Дарвина. За их признание видения Ч. Дарвином глубин эволюции я обожала этих значимых для меня людей.

Когда я, будучи еще школьницей, услышала из уст Александра Федоровича, что в свое время его приглашали в кругосветное путешествие в качестве биолога-натуралиста на работу в экспедицию на научно-исследовательском корабле, подобное путешествию Чарлза Дарвина на корабле «Бигль», но он отказался от этого заманчивого предложения, дабы жениться на своей обожаемой Наденьке... я испытала чувство глубокого разочарования: «Разве можно было так поступить?» При этом я инфантильно и беспардонно произнесла, разочарованно глядя в глаза профессора Котса: «Значит, вы не настоящий ученый... Наденька могла подождать!»

Александр Федорович печально согласился: «Да, скорее всего, это так, девочка. Истина глаголит устами младенца...»

Он был так сокрушен, что я почувствовала себя очень неважным человеком – злой и глупой.

От растерянности и огорчения я забыла, как я рассталась в эти часы с Александром Федоровичем... Позже мы никогда не касались того инцидента. Я – из-за бессознательного чувства глубокого огорчения тем, что была так бестактна. Александр же Федорович по-прежнему одаривал меня доброжелательным благосклонным отношением. Он всегда был со мной приветлив.

«Александр Федорович! – взываю я через годы и десятилетия. – Простите меня сердечно. Вы так любили Надежду Николаевну! Так радовались своим сорванцам-внукам – двум озорникам-мальчишкам! Вы – создатель такого замечательного музея Дарвина! Простите меня глупую – ребенка военных лет, девочку, осиротевшую в шесть лет»

Мой папа – Мухин Сергей Андреевич – кадровый военный, преподававший стратегию и тактику в двух московских военных академиях, преодолел множество препон, чтобы вырваться из генштаба и уйти на фронт. Он погиб в 1942 г. на границе Смоленской и Тверской областей. Мама и папа любили друг друга... После гибели отца мама от горя и обстоятельств серьезно заболела туберкулезом. Ее увезли в клинику за город, и я не видела ее около трех лет. В это время я была ребенком московских улиц и переулков. Когда мама вернулась, мы переехали из района метро «Динамо» на улицу Зацепу – в дом-общежитие, где в одном из корпусов нынеш-

него Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова временно расселяли семьи полковников и генералов. Долгие годы морально и эмоционально мы жили весьма тяжело, в плохих условиях – наша прежняя московская квартира пропала.

«Простите меня, Александр Федорович! Я оплошала. Я раскаиваюсь. Позже я стала совсем другой. Я перестала быть максималисткой...»

Когда я, огорченная до глубины души, покаялась Надежде Николаевне в своей глупости и бестактности, эта великая женщина сказала мне доверительно некие слова, чтобы поддержать меня. *«Спасибо Вам, дорогая Надежда Николаевна!»*

Надежда Николаевна была настоящей труженицей, постоянно и упорно работающим исследователем. При этом она талантливо поддерживала научные и дружеские контакты со множеством интересных ей людей из Америки и Европы.

У Надежды Николаевны было не так много близких ей по духу людей из числа современных ей ученых нашей страны, но она умела поддерживать отношения и учила меня этому.

Надежда Николаевна с готовностью общалась с детьми и молодежью. Однако только меня она называла своей ученицей.

«Надежда Николаевна! Благодарю Вас за Ваше участие в моем развитии как ученого, так и человека!»

Надежда Николаевна чутко относилась ко мне, уделяя много внимания моему развитию как натуралисту, зоопсихологу и психологу. Она дарила мне свои книги, подписывая их «Дорогой Лере...», а позже «Дорогой моей ученице Лере...». Это случилось в марте 1960 г. Надежда Николаевна подписала мне тогда впервые выпшедшую в 1959 г. свою монографию «Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян (шимпанзе)» [2].

Этот труд Надежда Николаевна, мой учитель, друг и светлый образец для подражания и развития, посвятила столетнему юбилею со дня выхода в свет книги Чарлза Дарвина «Происхождение видов».

Во введении к своему труду она писала: «Исследование интеллекта животных помогает установить преемственную связь организмов в процессе их эволюции, понять происхождение человеческой психики...»*. При

Эксперименты Н.Н. Ладыгиной-Котс с попугаями

* Ладыгина-Котс Н.Н. Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян (шимпанзе). М., 1959. С. 3.

этом Н.Н. Ладыгина-Котс указала на то, что И.П. Павлов, высоко оценивая значение трудов Чарлза Дарвина, считал его возбудителем и вдохновителем сравнительного изучения поведения животных. И.П. Павлов писал: «Гипотеза происхождения человека от животных, естественно, придавала захватывающий интерес изучению высших проявлений жизни животных»*. При этом Надежда Николаевна отмечала, что Ч. Дарвин не учитывал социально-исторического фактора: он не указал, что одновременно с развитием человека возникало первобытное человеческое общество.

Между тем Чарлз Дарвин писал именно о социальных/родовых отношениях людей.

Ч. Дарвин вслед за древними эллинами утверждал: «Человек – общественное животное. Каждый согласится с тем, что человек общественное животное». И далее ученый рассуждал о том, что «мы видим это в нелюбви людей к уединению и в стремлении человека к обществу за пределами его собственной семьи»**.

Ч. Дарвин подчеркивал, что примитивные люди были доброжелательны по отношению к членам своего племени, что «поступки совершенно противоположного характера не считаются преступлениями, когда речь идет о людях другого племени...»***. При этом ученый-натуралист ссылаясь на многочисленные труды путешественников и этнографов, писавших о важности послушания и сплоченности первобытного человека, о значении добродетелей, которым должны были следовать примитивные люди... На многих страницах своего труда Ч. Дарвин рассуждал о социальной природе человека и рода.

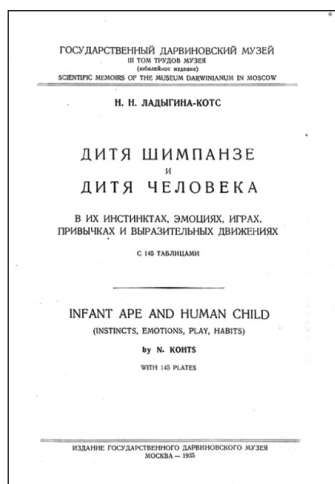
Надежда Николаевна в Предисловии к своему всемирно известному труду «Дитя шимпанзе и дитя человека», изданному в Москве в 1935 г. Государственным Дарвиновским музеем****, с благодарностью обращалась к зарубежным коллегам-ученым, подчеркивая внимание, научную и литературную помощь профессора Р. Йеркса (1876–1956), директора Антропоидной станции во Флориде; профессоров А.Ф. Осборна (1888–1966), У.К. Грегори (1876–1970), С.В. Фернбергера (1887–1956), А.Л. Гезелла (1880–1961) в Америке; профессора А. Кизса (1866–1955) в Англии; профессоров Г.Ф.Х. Брандеса (1862–1941), В. Штерна (1871–1938), О. Липмана (1880–1933), О. Келера (1889–1974) в Германии; профессора Г. Ревеса (1878–1955) в Голландии, профессора Э. Клапареда (1873–1940) в Швейцарии. Эти ученые проявляли большой интерес к работе Н.Н. Ладыгиной-Котс, причем еще тогда, когда она была в рукописи, и тем самым, как утверждала Надежда Николаевна, стимулировали его интенсивное и экстенсивное выполнение [1, с. XV].

* Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М., 1951. С. 150.

** Дарвин Ч. Сочинения в 9 т. Т. 9. М.; Л., 1959. С. 223–224.

*** Там же. С. 231.

**** Второе издание монографии Н.Н. Ладыгиной-Котс, подготовленное доктором биологических наук Зоей Александровной Зориной, увидело свет в 2011 г. (см. Ладыгина-Котс Н.Н. Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях: со 145 таблицами: в 2 т. 2-е изд., испр. М.; Воронеж, 2011).

Титульный лист монографии
«Дитя шимпанзе и дитя
человека»

Эта удивительная женщина не забыла выразить свою благодарность всем, кто так или иначе был причастен к ее научно-исследовательской деятельности: верным сотрудникам, стоявшим у истоков ее исследований; художникам-анималистам – от знаменитого Василия Алексеевича Ватагина (1883–1969) до молодых художников того времени, в частности Николая Николаевича Кондакова (1908–1999), который сделал тысячи тончайших акварельных зарисовок ее маленького сына Руди, связанных с закреплением элементарных интеллектуальных проявлений, Михаила Михайловича Потапова (1904–2007), написавшего живописный портрет Руди, и Вадима Вадимовича Трофимова (1912–1981), прекрасно выполнившего графические рисунки.

Надежда Николаевна выразила свою глубокую признательность Сергею Сергеевичу Толстому (1897–1974), внуку Льва Николаевича Толстого (1828–1910), который «с обычным стилистическим мастерством выполнил перевод на английский язык резюме» книги.

Завершая Предисловие, дорогая и глубоко почитаемая мной Надежда Николаевна писала: «История этой книги не была бы досказана до конца, если бы я не упомянула о том, что в то время, как я наблюдала Руди и Иони, зачастую при них записывала поведение малышей, чтобы получить протоколно-точную картину записи, – две пары... глаз – карие глаза Иони и серо-зеленые глазки Руди – тоскливо и печально смотрели на меня.

Кто имеет, знает и любит детей, читая эти строки, поймет, какое глубокое волнение охватывает меня при этом воспоминании*.

Ведь Руди и Иони были дети, а дети всегда хотят быть веселыми, и вдруг почему-то они замечают, что я смотрю на них так серьезно, так сосредоточенно... Дети всегда хотят, чтобы присутствующие взрослые их развлекали, а здесь они видят, как я занимаюсь каким-то своим, непонятным для них, чужим делом.

Для обоих я была самым близким и желанным человеком, – и именно со мной они так радостно играли, а теперь я почему-то отстраняю их от себя и сижу неподвижно на одном месте и длительно пишу.

Надежда Ладыгина-Котс с Иони. 1914.
Фото А.Ф. Котса.
Государственный
Дарвиновский музей

* Идентифицируясь с описанными ситуациями вожделенных внимательно и просяще взирающих на тебя глаз (высших животных или малых детей), я хорошо понимаю чувства Надежды Николаевны, когда дорогие ее сердцу дитяти с огорченным недоумением взирали на человека, ожидая любовных объятий и веселящих игр.

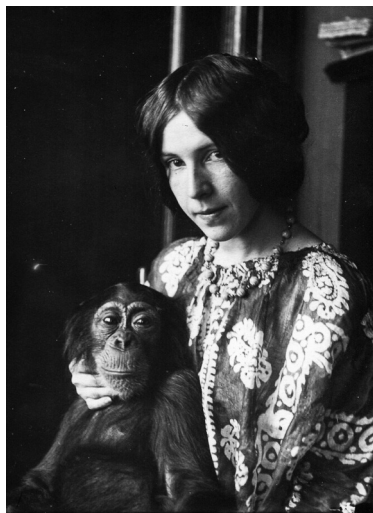
Полулежачие позы
шимпанзе и человека

И я чувствую, вижу, как оба они стараются всякими способами заставить меня в этот миг забыть о науке, напомнить о том, что они — настоящие, живые дети, — и малыш Иони дергает меня за платье, приглашая к игре, вырывает ненавистные ему карандаш и блокнот, а сынок Руди тянет жалобным голосом, забираясь ко мне на колени: “когда же ты кончишь?”» [1, с. XV].

Я, Валерия Мухина, родившаяся в год выхода в свет этой книги Надежды Николаевны, учась в девятом классе, пришла в Дарвиновский музей и, восхитившись благородством, изяществом и умом этой прекрасной ученой женщины, на всю жизнь осталась ее почитателем и благодарной ученицей.

Первое свидание с Надеждой Николаевной организовала нам, девятиклассникам, наша школьная учительница психологии Елена Михайловна Кудрявцева*, в ту пору она была научным сотрудником Института психологии АПН СССР и в школах собирала материал для своей диссертации, которую она писала под руководством доктора психологических наук Н.А. Менчинской (1905–1984). Во многом благодаря ей и ее урокам я увлеклась психологией. В первую очередь меня интересовали особенности поведения высших животных.

С Еленой Михайловной у нас сложились добрые отношения. Подарив мне книгу И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», она посоветовала мне внимательно читать и конспектировать ее. Я с рвением приступила к столь нелегкому для меня в ту пору труду. На следующий год я повторила сей труд — для моей же пользы, как наставляла меня моя школьная учительница. Еще один ее бесценный в те годы подарок — книга И.П. Павлова «Лекции о работе больших полушарий головного

Надежда Ладыгина-Котс
с Иони

* Елена Михайловна Кудрявцева работала еще и в других школах г. Москвы. В число учеников старших классов попала и Светлана Новоселова (1933–2005), которая, повзрослев, иногда посещала Надежду Николаевну. После школы она поступила на вечернее отделение психологического факультета МГУ. Припоминаю, что позже она перевелась на дневное отделение. Ее кумиром был всегда Алексей Николаевич Леонтьев. Надежда Николаевна говорила нам обоим об этом человеке: «Он талантлив, но, увы, очень уж ориентирован на карьеру».

Надежда Николаевна
с Руди

мозга». Елена Михайловна много рассказывала нам о Дарвиновском музее и специально о научном подвиге зоопсихолога и детского психолога Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс... Так что некоторым образом я была подготовлена к встрече с настоящим ученым.

Однако, увидев воочию эту женщину и услышав то, о чем она говорила, я была так поражена ее личностью, особенностями ее общения с нами (с поколением, начавшим свою жизнь в условиях Великой Отечественной войны, испытывавшим

горькую участь сиротства и голодных времен, наблюдавшим со страхом и ужасом, как исчезали из их ближайшего окружения дорогие им люди, объявляемые «врагами народа»), что мое сердце было отдалено ей бесповоротно, раз и навсегда.

И вновь хочу вернуться к Предисловию к книге Надежды Николаевны, чтобы с восхищением показать моим потенциальным читателям благородство, отражающее прекрасное воспитание этого удивительного, замечательного человека — Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс.

Надежда Николаевна благодарила также своего супруга Александра Федоровича Котса, самого главного соучастника ее труда, основателя Дарвиновского музея. Она писала: «Сколько раз на протяжении этих длинных десяти лет у меня наступали минуты душевной усталости, полосы временного психического застоя! Но всякий раз, как я видела перед собой его всегда энтузиастичный облик и слышала его вдохновенные слова, снова вспыхивала и разгоралась у меня потухающая искра научного искания.

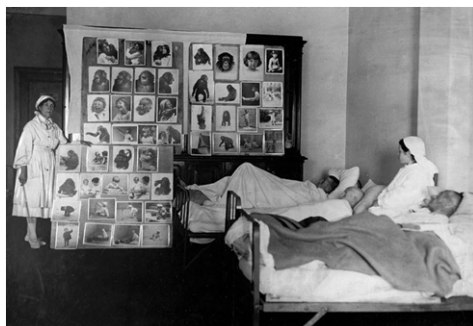
И вот, когда переберешь все это в мыслях, так ясно видишь, как сравнительно мал мой личный труд в этом печатном труде.

Надежда Николаевна с Иони

Александр Федорович
Котс и Надежда
Николаевна в
Дарвиновском музее

В годы Великой Отечественной войны
Н.Н. Ладыгина-Котс работала в госпитале

Что выпало на мою долю?

Длительно целенаправленное научное искание, радостный труд наблюдения, терпеливый анализ и робкий синтез.*

И так хочется воскликнуть: “Весь этот печатный труд в целом – это не мой труд. Это труд, и терпение, и силы, и умение, и одаренность, и энергия, и вдохновение всех тех, кто был и есть рядом со мной, кто, быть может, лишь короткий срок был вместе, и кто прошел лишь мимоходом, и кто ушел навеки, но оставил незабываемый след здесь – на этих печатных страницах”.

Им всем – близким и далеким, живым и умершим, известным и неизвестным, упомянутым и неупомянутым, – я и посвящаю этот мой труд...

Н. Ладыгина-Котс» [1, с. XV–XVI].

Эксперименты
Н.Н. Ладыгиной-Котс с Иони

Труд Н.Н. Ладыгиной-Котс структурно состоит из трех частей:

Часть I (описательная). Поведение дитяти шимпанзе. Состоит из десяти глав, в которых описываются: внешний облик шимпанзе; ее эмоции; инстинкты; игры; предусмотрительное поведение (обман, хитрость); употребление орудий; подражание; память; язык жестов и звуков; природные звуки.

Часть II (аналитическая). Поведение дитяти человека. Состоит из пяти глав, в которых осуществляется сравнение: внешнего облика человека и шимпанзе; эмоций человека и шимпанзе; инстинктов человека и шимпанзе; описываются: игры человека и шимпанзе; память и привычки дитяти – эволюция речи ребенка, характерные интеллектуальные черты дитяти.

Часть III (синтетическая). Биопсихологические черты сходства и различия в поведении дитяти человека и

Поведение дитяти шимпанзе

* Курсив мой. – В.М. Я бы ради справедливости сказала о Надежде Николаевне: «Длительно целенаправленное научное искание, радостный труд наблюдения, терпеливый анализ ...» – это тот набор необходимых для натуралиста и психолога качеств, который делает человека истинным ученым. Что касается «синтеза», то именно эта способность мышления подняла ученого на высший уровень обобщения эмпирического материала и результатов талантливых методов исследования.

Волнение шимпанзе и ребенка

Мимика плача у шимпанзе и человека

Мимика смеха дитяти шимпанзе и человека

молвное общение. Слово начинает передавать в совершенстве наши мысли, а *интонация сообщает ему тот эмоциональный оттенок, без которого сама мысль, самое слово мертво и безжизненно* (курсив мой. – В.М.) [1, с. 5].

Эти слова ученого не случайно появились на первых страницах труда. Описывая природные звуки шимпанзе, Н.Н. Ладыгина-Котс писала о том, что, суммируя природные звуки, издаваемые шимпанзе, следует подчеркнуть, «что *эти звуки являются допол-*

дитяти шимпанзе. Состоит из двух глав: черты сходства; черты различия – и заключения.

Меня особенно интересуют эмоции шимпанзе и ребенка в их сходстве и различии, природные звуки шимпанзе, а также звукоподражания и эволюция речи ребенка.

При этом я хотела бы обратить внимание моего читателя на то, что Н.Н. Ладыгина-Котс писала «*об особенностях тона переживаний*» [1, с. 4]. В младенчестве и в детстве дитяти человека ученый выделила язык мимики и жестов, когда еще не появилась членораздельная речь. «Когда же появляется членораздельная речь, она заступает это без-

Позы и жесты весело настроенных шимпанзе и человека

нительными внешними атрибутами, сопровождающими по преимуществу, если не исключительно, эмоциональные состояния животного» (курсив мой. – В.М.) [1, с. 243]. При этом ученый описала выделенные ею 23 типа отличающихся друг от друга звуков [Там же, с. 243–248].

Далее Надежда Николаевна попыталась зафиксировать эволюцию речи ребенка [Там же, с. 439–446]. Она записала первые слова своего малолетнего сына, начиная с возраста 1.5.10* до 3 лет. Ученый не уставала подчеркивать, что дитя шимпанзе, как и дитя человека, обладает сильно выраженным инстинктом подражания. Видя внешние проявления различных эмоций (страха, печали, радости, злобы) и зачастую солидаризируясь с человеком в воспроизведении звуков, жестов, поз и телодвижений, связанных с проявлением этих эмоций, дитя шимпанзе быстро и легко заражается ими от человека [Там же, с. 457].

Безукоризненно честный ученый, Надежда Николаевна признавала: «И вот теперь, в конце исследования, оказывается, что тот мост, который я старалась перекинуть через психическую бездну, разделяющую шимпанзе от человека, затрещал...» [Там же, с. 494].

Н.Н. Ладыгина-Котс выполнила взятые на себя обязательства: наблюдениями, побуждениями, включенным обучением и бесконечными вариациями создаваемых для Иони и Руди условий она убедилась, что пропасть между человекообразными высшими обезьянами и человеком разверзлась из-за того, что человек сошел с пути эволюции, стал развиваться в условиях своей истории: «...В центральном и самом ответственном пункте – на грани интеллекта и устремления к прогрессу; в пункте, под которым разверзавшаяся бездна оказывалась наиболее зияющей и бездонной, мой мост дал провал, и в этот провал неожиданно для меня со свойственной ему экспансивностью как раз низвергнулся шимпанзе, оставив своего человеческого сверстника высоко-высоко наверху над собой...» [Там же, с. 494–495].

С Иони в саду

С именем Надежды Николаевны связан расцвет отечественной детской и общей психологии, приматологии и антропологии [Там же]. Заслуги Н.Н. Ладыгиной-Котс в области зоопсихологии, детской и сравнительной психологии были признаны и высоко оценены ее современниками. Ее книги привлекали внимание крупнейших ученых Европы. Швейцарский врач-невролог, один из пионеров детской психологии Эдуард Клапаред в «Архивах психологии» (1924. Т. XIX. С. 191–192) писал: «Этот роскошный том, украшенный прекрасными photographиями, излагает терпеливые эксперименты, выполненные в зоопсихологической лаборатории Дарвиновского музея в Москве госпожой Н. Котс над шимпанзе. Мы искренне надеемся, что госпожа Котс может скоро опубликовать продолжение своих исследований, которые представляются образцом терпения, осторожности и вдумчивости в истолковании фактов».

* 1.5.10 – принятое в науке обозначение возраста, предложенное Вильямом Штерном: первая цифра обозначает годы, вторая – месяцы, третья – дни.

Профессор М.И. Гольдсмит (1858–1932) в 20-е годы XX столетия отмечала, что работа Н.Н. Ладыгиной-Котс интересна по точности, тщательности и неизменному старанию не упустить ни одного факта, не позволяя ни одному случайному обстоятельству исказить результаты опыта. К этим качествам следует отнести и то, как ученый входила в контакт с животными, никогда не прибегая к принуждению.

Позднее, в 1936 г., знаменитый американский психолог Роберт Йеркс писал, что госпожа Котс – талантливейший наблюдатель, чуткий и высокоэрудированный, с преданностью и исключительной вдумчивостью описывающий в этом тщательном труде различные выражения и психологические черты у шимпанзе и человека.

Воспитываемый молодой Наденькой шимпанзе Иони был предметом ее глубокого интереса.

Изобретенный Н.Н. Ладыгиной-Котс метод выбора на образец дал исследователю возможность изучать особенности восприятия и интеллекта. Впоследствии этот метод получил широкое распространение, в том числе в исследованиях детей и взрослых. Надежда Николаевна в ту пору установила, что шимпанзе обладают способностью к отождествлению различных признаков предметов и к элементарной абстракции.

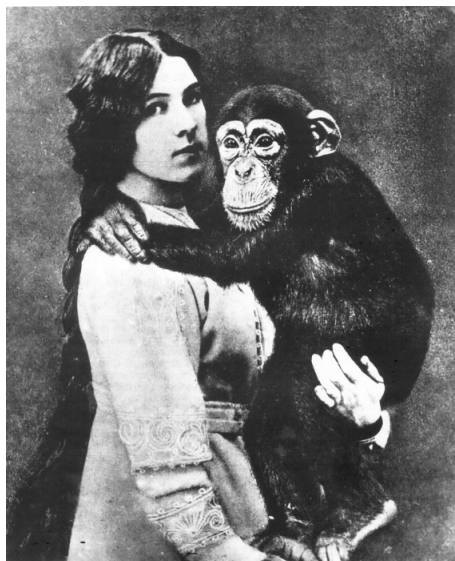
В 1925 г., спустя многие годы после смерти шимпанзе Иони (1915), в семье Котсов родился сын Рудольф. Родители наблюдали за психическим развитием своего ребенка, вели дневниковые записи, фотографировали. После написания многих и многих страниц дневника, документированного сотнями фотографий, выполненных А.Ф. Котсом и другими, было проведено трудоемкое сравнительное исследование свободного поведения дитя шимпанзе и дитя человека.

Написанная по этим материалам уникальная монография была издана в 1935 г. Книга, переведенная на многие европейские языки, и отдельный том с фотографиями принесли Н.Н. Ладыгиной-Котс мировую

известность.

Надежда Николаевна показала, что основные психические процессы ребенка и шимпанзе качественно различаются. Лишь дитя человека проявляет (в 2–3 года) способность к абстрагированию, чему помогает развитие речи и ее знаковая функция.

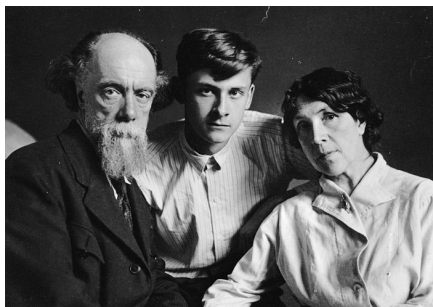
Н.Н. Ладыгина-Котс не оставила своих исследований интеллекта шимпанзе и продолжила ставить опыты в Московском зоопарке. Как-то раз я, ученица восьмого класса средней школы, стояла перед клеткой с шимпанзе Парисом и с изумлением наблюдала опыты, которые Надежда Николаевна проводила вместе со своей сотрудницей Натальей Федоровной Левыкиной. Парис

Надежда Николаевна и шимпанзе Иони

Семья Котсов с малолетним Руди

Семья Котсов годы спустя...

получал металлические трубки с вложенными в них орехами и удерживающими их комками бумаги. Парис смотрел внутрь, просовывал указательный палец, тряс трубку, затем, не добившись желаемого, брал ветки деревьев, лежавшие на полу его клетки, обрывал с них боковые, более мелкие веточки и сделанные им прутики совал в трубку. Из трубки выпадали орехи. Толпа собравшихся у клетки зрителей ликовала: молодец Парис!

Затем исследователи давали шимпанзе комок мягкого металла, свернутого в виде клубка ниток. Шимпанзе не сразу, но довольно быстро распрямлял мягкий провод и просовывал его конец в трубку. Результаты (добытые орехи) приносили радость толпе глазееющих посетителей зоопарка и удовлетворение самому шимпанзе. Исследователи тщательно фиксировали поведение Париса в своих рабочих тетрадах.

Вслед за этими испытаниями Парису подложили в клетку доску и вновь дали трубку с вложенными в нее орехами. Толпа впала в глубокую задумчивость. Кто-то из мужчин произнес: «Вот если бы был нож, то я...».

В это время Парис взял в руки доску и стал внимательно ее разглядывать. Он крутил доску со всех сторон, внимательно осматривая ее поверхности. Толпа досужих зрителей безмолвствовала, и, судя по всему, ситуация казалась им неразрешимой.

Но Парис вдруг поднес ко рту край доски и начал с осторожностью прокусывать от конца до конца лучинку. Когда же в его руке осталась освобожденная от всей массы доски лучинка, он тут же пустил ее в ход по назначению: стал всовывать лучину в полость трубки.

Толпа взвыла от восторга, потому что человекообразная обезьяна решила возникшую перед ней проблему. Надежда Николаевна и Наталья Федоровна тщательно и безмолвно фиксировали записи в своих дневниках.

Эксперименты с Парисом и их результаты получили свое отражение в монографии Н.Н. Ладыгиной-Котс «Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян».

После этого счастливого для меня дня я начала систематически ходить в зоопарк и наблюдать работу Н.Н. Ладыгиной-Котс с высшими приматами*.

* *Приматы* (лат. *primates* – первенствующие) – высший отряд млекопитающих, включающий полуобезьян, обезьян и человека.

Подготовка к расщеплению
доски зубами

Расщепление доски
клыками

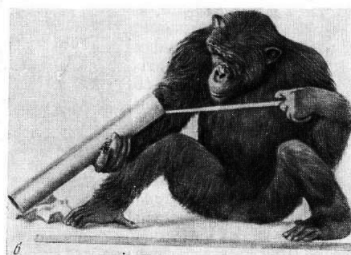
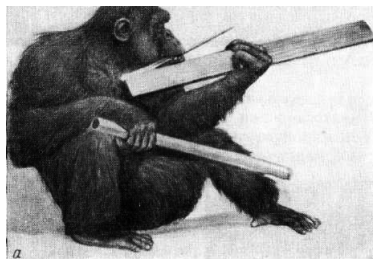
Спустя некоторое время Елена Михайловна Кудрявцева привела нас в Дарвиновский музей к Надежде Николаевне.

Полагаю, случайностей не бывает: главное – увидеть, где истоки твоего пути. Я навсегда осталась возле Надежды Николаевны, она стала моим Учителем. И не только в науке, но и в жизни.

Надежда Николаевна была очень красивой женщиной, доброжелательной, любезной, но как бы стоящей над другими. Как ей это удавалось? Влюбленная в науку и в своих испытуемых – попугаев, крыс, кошек, собак, низших и высших человекообразных обезьян, она пробудила в нас, подростках, интерес к поведению животных, особенно *к удивительному сходству в эмоциях, в подражании* и в способах решения некоторых проблемных ситуаций у обезьян и человека.

В первый же день знакомства с нами Надежда Николаевна провела экскурсию по Дарвиновскому музею. Она открыла нашему зрению удивительный мир разнообразных животных, которые, как оказалось, находятся в эволюционной связи друг с другом. Животные обладают такой способностью приспособления к условиям, в которых они живут, что возникает ощущение: мир удивительно рационален, а все животные в своем поведении разумны и прекрасно приспособлены к жизни.

В ту пору мне было около 15 лет. Завороженная увиденным и услышанным, я храбро заявила Надежде Николаевне, что тоже хочу изучать поведение животных (особенно обезьян), то есть хочу стать натуралистом. Класс поддержал мой порыв, и многие девочки хором заявили, что тоже хотят учиться наблюдению за животными. Надежда Николаевна улыбнулась нашей горячности и предложила всем желающим прийти через месяц, указав конкретную дату и конкретное время.

Отщепление от доски лучины
(а); всовывание в трубу
отщепленной лучины (б)

В назначенный день пришли только несколько моих одноклассниц, а через некоторое время я одна стала приходить к Надежде Николаевне. Тогда же и началось мое обучение наблюдению за поведением животных. В музее на лестничных пролетах стояли клетки с крысами – они-то и стали моими первыми животными, поведение которых я начала изучать под руководством Надежды Николаевны, ставшей со временем моим дорогим Учителем.

Так с подросткового возраста я счастливо попала под научную и личностную опеку Надежды Николаевны, которая начала терпеливо и заботливо возвращать во мне любовь к наблюдению и к вчувствованию в проявления животных. Этот удивительно высокий духовно и душевно человек в течение многих лет не оставлял своего покровительства и бережного введения меня в науку. Очень скоро я стала работать с макаками и капуцинами, а затем с шимпанзе и орангутангами.

Надежда Николаевна учила меня не только наблюдению над животными, но и ведению экспериментальных исследований. Она усаживала меня перед собой и переводила с европейских языков статьи, которые, по ее мнению, должны были быть мне полезны. Она побуждала меня к самостоятельной работе и публиковала мои первые откровения о животных в научных журналах Европы.

Она вводила меня в науку. Окончив школу, я поступила на биолого-химический факультет МГПИ имени В.И. Ленина. Мне и в голову не пришло поступать в МГУ – ведь Надежда Николаевна жила и работала на территории Дарвиновского музея, а он был частью того великолепного здания, где располагался главный корпус МГПИ (бывшие Высшие женские курсы).

Когда я заканчивала второй курс своего факультета, к администрации обратились организаторы научно-исследовательской морской экспедиции. Я побежала к декану выразить готовность стать членом этой экспедиции в качестве биолога-лаборанта. Декан напомнил мне, что организаторы сделали запрос на студента третьего-четвертого курса. Он назидательно стал объяснять почему меня не возьмут. Я же парировала, что эти чудачки со старших курсов не готовы, не хотят, трусят и проч., и проч. Я помню насколько сильно я переживала утрату возможности работать в научной экспедиции... Мне до сих пор, спустя десятки лет, жаль того эмоционального всплеска воображения, которое меня понесло вслед за Чарлзом Дарвином в его пятилетнее путешествие за открытиями и глубинным построением научных гипотез и откровений эволюции и происхождения человека...

И сегодня я со светлой печалью и нежностью вспоминаю как я рванула за своим первым великим кумиром Чарлзом Дарвином...

В ту пору Надежда Николаевна утешала меня, говоря, что, очевидно, меня ждет иной путь, который, возможно, будет еще более значительным, чем опыт работы на научно-исследовательском судне.

Семья Котсов – Надежда Николаевна, ее супруг Александр Федорович и их сын Рудольф – проживала на территории музея. Жилые комнаты (столовая, комната Рудольфа, спальня Надежды Николаевны) располага-

Семья Котсов

лись на первом этаже, а на втором были кабинеты Александра Федоровича и Надежды Николаевны. Эти апартаменты, вплоть до кончины Н.Н. Ладыгиной-Котс в 1963 г., воспринимались мной как эталон условий жизни настоящего ученого: помимо большого количества специальных книг из области знаний, значимой для ученого-естествоиспытателя, там были и другие книги, кар-

тины (по большей части художников-анималистов), скульптуры животных, а также множество тонких, высокохудожественных произведений, которые вводили мой потрясенный взор в широкую сферу большого искусства.

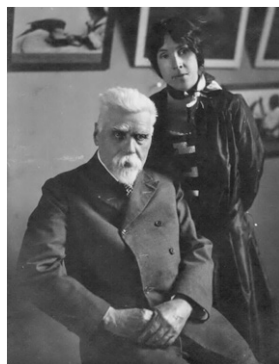
Под влиянием личности Н.Н. Ладыгиной-Котс в ауре Дарвиновского музея складывалась московская школа натуралистов-естество-испытателей, которая, несмотря на все трудности, связанные в основном с ограниченностью в средствах, оказалась на редкость жизнеспособной.

Надежда Николаевна поддерживала тесные связи со многими учеными, работавшими в интересующей ее области знания. Так, она установила научный контакт и добрые человеческие отношения с известным ученым Владимиром Александровичем Вагнером (1849–1934), доктором зоологии, профессором сравнительной психологии Санкт-Петербургского Императорского университета (позднее Ленинградского государственного университета), автором многих работ в этой области, в частности фундаментальной монографии «Биологические основания сравнительной психологии» [3].

Александр Федорович Котс неукоснительно поддерживал научные устремления Надежды Николаевны: приобретение экспериментальных животных, их содержание, фиксирование их поведения и эмоций в фотографиях и зарисовках художников-анималистов, и прежде всего непревзойденного в своей области знаменитого художника-анималиста В.А. Ватагина.

В число художников-анималистов, сотрудничавших с Надеждой Николаевной, входил и Михаил Максимович Кукунов (1918–1998), который с 1950 г. преподавал на факультативных курсах рисования в МГПИ имени В.И. Ленина. Сегодня ряд работ М.М. Кукунова, в частности картины «Трапеза барсов» и «Слоны идущие», – достояние Дарвиновского музея. Михаил Максимович учил меня целых четыре года. Мы сохраняли с ним добрые отношения до конца его дней.

Как и В.А. Ватагин, М.М. Кукунов отличался способностью вникать в эмоциональное состояние

Надежда Николаевна
и Владимир
Александрович Вагнер

изображаемых им животных, создавая образы психологически выразительные, легко читаемые зрителями.

Н.Н. Ладыгина-Котс с истинным вниманием и глубоким уважением относилась к работе художников, деликатно указывая им на тонкости выразительных поз и движений изображаемых животных. Она считала работавших с нею художников-анималистов своими соратниками и друзьями.

Надежда Николаевна тесно общалась с талантливыми операторами и режиссерами документального кино. В музее сложилась богатейшая кинотека отечественных и зарубежных фильмов о животных, в том числе кинодокументальные съемки экспериментов самой Надежды Николаевны с обезьянами и детьми. Систематизацию этих материалов она осуществляла совместно с сыном Рудольфом. Книги Надежды Николаевны иллюстрированы ее собственными фотоматериалами и точными, выразительными рисунками художников-анималистов.

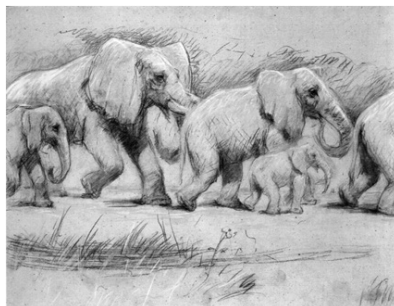
В 1945 г. Надежда Николаевна была приглашена на должность старшего научного сотрудника одним из крупнейших отечественных философов и психологов, лидером теоретической психологии Сергеем Леонидовичем Рубинштейном (1889–1960) в возглавляемый им сектор Института философии АН СССР. Именно под опекой С.Л. Рубинштейна в период с 1958 по 1965 г. были изданы последние ее монографии. В этом институте в 1953 г. Надежда Николаевна получила орден Ленина, здесь же была удостоена звания заслуженного деятеля науки РСФСР.

Нередко я помогала Надежде Николаевне тем, что носила ее конверты в Институт философии для С.Л. Рубинштейна и конверты от С.Л. Рубинштейна для Н.Н. Ладыгиной-Котс. Я была счастлива это делать, как и откликаться на любые другие просьбы Надежды Николаевны. Я очень любила этого человека. Люблю и восхищаюсь ею по сей день.

По инициативе Надежды Николаевны от Общества испытателей природы я не единожды ездила в Сухумский обезьяний питомник наблюдать за поведением семейства павианов, проживающих в идеальных условиях на большой территории, и их детенышей, забранных из малого пространства клеток, в которых размещались условные сообщества социальных животных (на одного самца по две самочки того же вида). Детеныши помещались в достаточно большой вольер, где за «старшего», «смотрящего» выступала взрослая самка, которую сотрудники прозвали «бабушка».

М.М. Кукунов. Трапеза барсов.
Государственный Дарвиновский музей

М.М. Кукунов. Слоны идущие.
Государственный Дарвиновский музей

Наблюдая за малютками, оставшимися без матерей, я, к своему глубокому огорчению, видела, как эти сироты порой садились друг за другом, прижимаясь животиками к спинкам впереди сидящих. Выходил образ своеобразной волнистой живой линии, образованной из тел детенышей, цепко державшихся друг за друга: им не хватало материнских объятий...*

Я с сердечной болью рассказывала Надежде Николаевне о состоянии детенышей, отнятых от матерей...

В мои студенческие лета Надежда Николаевна устраивала также мои поездки в Колтуши, где я имела счастье наблюдать, как шимпанзе открывают для себя возможность решать проблемные ситуации. Однажды мы с молодыми сотрудниками устроили серию заданий для молодого шимпанзе Рафаэля. Вначале на плоту был поставлен «проблемный ящик», в глубине которого находились фрукты. Но между фруктами и лицом Рафаэля горел огонь, перекрывая шимпанзе доступ к фруктам. После многочисленных неудачных попыток достать плоды Рафаэль случайно задел кран от бака с водой, который помещался над горящей спиртовкой. Хлынувшая вода погасила огонь [4, с. 78].

В новой ситуации бак был поставлен на другой плот, который соединяла лежащая на двух плотках доска. Рафаэль, увидев бак с водой, быстро перешел по доске на другой плот и, набрав воду в кружку, вернулся на первый плот, где стоял «проблемный ящик». Выплеснув воду на огонь, он погасил его и... взял фрукты [Там же].

Когда мы увидели возможности интеллектуальных решений проблемных ситуаций шимпанзе, то, скорее озуя и веселясь, оставили второй плот без бака с водой. Шагнув с берега на первый плот, Рафаэль сразу же поспешил на второй. Но бака там не оказалось! Рафаэль схватил пустую кружку в руку и... зачерпнул воду из пруда!

Вспоминая о той поре, я писала: «Лишь в случае серии неудач животное реагирует наиболее высоким по уровню способом – интеллектуальным решением задач. Однако для животных возникшие ситуации редко становятся проблемными и, следовательно, не возникает выраженной необходимости в отражении на более высоком, интеллектуальном уровне. *Интеллектуальное поведение* (решение возникающих по ситуации проблем) *остается для высших животных чаще всего как потенциальная возможность*» [Там же]. Я и сегодня уверена в этом. (В свое время Надежда Николаевна ввела в науку очень значимое понятие «*разумная предусмотрительность*» в связи с наблюдением за шимпанзе. Я же была свидетелем интеллектуального решения проблемной ситуации. Так что наука постепенно открывает нам возможность увидеть воочию эволюционные предтечи интеллекта.)

* Позже, когда я работала в «Доме ребенка», где содержались дети от рождения до трех лет, я вдруг увидела, что едва подросшие малыши нередко садились друг за другом, прижимаясь животиками к спинкам впереди сидящих – и у них, как и у сирот – детенышей павианов, проявлялась ненасыщаемая потребность в нежном тепле тела и в защите объятий.

Мы были счастливы: шимпанзе, как оказалось, способны к обобщению, воспринимая всякую воду как вещество, которым можно погасить огонь!

Эти наши «опыты» были для нас скорее игрой ума и озорством, нежели серьезным научным исследованием. Рассказывая об этой потрясающей ситуации Надежде Николаевне, я призналась, что серьезное исследование мы променяли на веселые забавы. Надежда Николаевна сказала лишь, что этот опыт надо было бы повторить и зафиксировать на пленку.

Позже (так уж сложилось) я не смогла вернуться в Колтуши. Случившееся дало мне повод горько сожалеть об упущенной возможности провести серьезное исследование. Однако я не забыла, что только в случае серии неудач высокоорганизованное животное может отреагировать потенциалом наиболее высокого способа интеллектуального решения задач. Еще я усвоила, что *для животных возникающие ситуации редко становятся проблемными*. Много позже, исходя из этого понимания, я писала: «Интеллектуальное поведение остается для животных чаще всего как потенциальная возможность» [4, с. 78].

С Надеждой Николаевной мы много раз обсуждали возможность установления контактов с социальными животными. Я делилась с нею своим опытом взаимодействия с павианами, обитающими на большой территории Сухумского обезьяньего питомника.

Я рассказывала ей, как мне удавалось избегать нападений вожака, когда малыши вытаскивали из моих карманов авторучки и записные книжки, а я упорно пыталась не отдать важные для моей работы предметы. Чтобы избежать их ужасных криков о помощи и нападений на меня вожака, я отдавала маленьким разбойникам содержимое своих карманов и смиренно замирала перед мчащимся на меня агрессивно настроенным самцом.

Рассказывая об этом, я хотела развеселить Надежду Николаевну, однако она озабоченно предупреждала меня, что надо быть серьезнее в отношениях с животными... Кстати сказать: я никогда не была ни укушена, ни поцарапана ни высшими, ни низшими млекопитающими.

В эти же годы я посещала экспериментальную лабораторию в Институте психиатрии Министерства здравоохранения СССР, которая размещалась на территории Московской психиатрической клинической больницы имени П.П. Кащенко. В лаборатории содержались три шимпанзе: Султан (молодой, очень крупный самец) и две юные истеричные самочки.

В ту пору научная молодежь была увлечена книгой некоего журналиста, которая, по моим воспоминаниям, называлась «Человек или зверь». Светлана Новоселова и ее друг Генрих Хрустов* (будущий кандидат фило-

Надежда
Николаевна
всегда была
красива и
обаятельна

* Генрих Федорович Хрустов (1933–2009), работая в экспериментальной лаборатории профессора Самуила Натановича Брайнеса с шимпанзе Султаном, повторил эксперименты Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс в Московском зоопарке с шимпанзе Парисом.

софских и доктор биологических наук) однажды пришли к Надежде Николаевне, чтобы обсудить эту книгу... Через некоторое время Светлана под давлением идеи, которая ее посетила вдруг, при мне доверительно сообщила Надежде Николаевне, что она хотела бы знать ее мнение. Светлана выразила готовность повторить по примеру некоего журналиста – героя книги, отдавшего свою сперму для экспериментального оплодотворения самки шимпанзе, – «понести» дитя от шимпанзе Султана, тем самым посвятив себя науке.

Я онемела от удивления.

Надежда Николаевна крайне изумилась, сказав, что этот вопрос надо отнести к антропологам, что она в науке занята совсем другими проблемами. Помолчав и внимательно глядя в глаза молодой женщины, Надежда Николаевна спросила: «А не попробовать ли вам, Светлана, просто родить ребенка от мужчины?..» На этом тема была закрыта.

Позже, когда я вышла замуж и у меня родились два мальчика-близнеца, Надежда Николаевна дала мне настоящий совет – вести дневник развития моих близнецов.

Надежда Николаевна
Ладыгина-Котс
в зрелые годы

«Дорогая Лерочка!

Сердечно благодарю тебя за новогоднее поздравление, в свою очередь желаю тебе и твоим малюткам, а также мужу и маме всего-всего самого светлого.

Прости, что я запаздываю с ответом тебе, но у меня опять было повышено давление, и я несколько праздничных дней лежала в постели.

Тезисы твои я прочла и очень порадовалась, как ты их хорошо составила. Я их уже тогда же отправила профессору Ананьеву (в Ленинград). Желаю тебе, моя умница, и дальше не оставлять, а продолжать твою интереснейшую работу.

Вот подрастут твои малютки – начинай вести и за ними систематические наблюдения и опыты по твоей же теме. С твоей созревшей мыслью и опытностью в наблюдении ты получишь ценнейший материал. Горячо желаю тебе успеха в этом деле и крепкого здоровья для выращивания, воспитания и наблюдения деток. В них твое личное и научное счастье. Целую тебя, моя дорогая.

Любящая тебя Н. Ладыгина-Котс.

Наталья Федоровна присоединяет свой привет и лучшие пожелания.
16.I.1962».

Эти же пожелания Надежда Николаевна выразила мне, надписав их в дарованном мне своем замечательном труде «Дитя шимпанзе и дитя человека». Вот эти пожелания, написанные на вложенной открытке:

«Дорогой Лере Мухиной
с самым горячим пожеланием
остаться на правильно
избранном и интересном
научном пути и достойно
завершить его».

От автора

Н. Ладыгина-Котс

13.V.1963.

Желаю тебе еще одно,
не менее важное:

вырастить твоих малюток,
наблюдать за ними и
отразить для науки
ценные данные их
психического развития.

Н. Л.-К.

Это настойчивое пожелание Надежды Николаевны я восприняла как призыв к неукоснительному действию. Я вела дневник развития моих сыновей-близнецов с их рождения и до начала подросткового возраста.

Хочу с удовлетворением представить два варианта изданий дневников развития моих сыновей-близнецов (время их появления на свет – 13.02.1961).

Первое издание вышло в свет в 1969 г., когда моим сорванцам было по восемь лет. Книга (дневник развития) вышла в издательстве «Просвещение» под названием «Близнецы» тиражом *40 тысяч экземпляров* [5]. Когда художник-оформитель спросил меня, какими бы я хотела увидеть изображения моих сыновей-близнецов, я четко ответила: «Это два разных человека – они идут в разные стороны». Художник хорошо понял меня. Он так и сделал. На обложке книги «Близнецы» два одинаковых мальчика идут в противоположные стороны.

Второе издание вышло в свет в 1997 г. в издательстве «Народное образование», тираж 5 000 экземпляров.

«Близнецы» (оба издания) выполнены в виде дневника развития психики и личности двух мальчиков-близнецов.

Когда я начинала вести дневник, я психологически и профессионально чувствовала себя натуралистом-биологом. Я писала обо всем, что занимало мой ум и мое любящее сердце. В книге «Близнецы» есть послание, адресованное Кирыше и Андрыше, мои сердечные материнские пожелания, которые, однако, как оказалось, до конца не были услышаны сыновьями. Я сожалею и нередко грущу по этому поводу.

В этой же связи считаю правильным сказать, что из маленького Руди – сына Надежды Николаевны – вырос внешне красивый, статный человек. В детстве мальчика учили иностранным языкам и им ответственно занимались. Однако он не состоялся ни в профессии (хотя получил высшее образование), ни в сфере нравственного отношения к жизни и к своим родителям. Я скорблю, когда передо мной встают его проступки по отношению к своим родителям.

«Надежда Николаевна! Простите меня. Вашей вины в недостойных проявлениях Рудольфа нет. Вы – великая, истинная женщина и мама, но так бывает... Так может происходить в жизни – Ваш сын порой был не достоин своих родителей. Не печальтесь. Вам жизнь дала много поддержки и любви Вашего мужа Александра Федоровича, а также уважение, обожание и восхищение многих достойных людей. Я всегда люблю, уважаю Вас и восхищаюсь Вами. Ваша Лера»

Когда я стала психологом (так уж случилось), обстоятельства и конкретные люди помогли мне издать тот же дневник, но с комментариями и маргиналиями в тексте и с глоссарием, объясняющим систему понятий, выражающих авторское понимание таинства вхождения ребенка в современный ему мир.

Переработанная книга, получившая название «Таинство детства», вышла в двух томах тремя изданиями: 1-е издание – в Москве, 1998 г., тираж 3000 экз.; 2-е – в Санкт-Петербурге, 2000 г., тираж 3000 экз.; 3-е – в Екатеринбурге, 2005 г., тираж 3000 экз. [6]. Я всегда помню и благодарю тех человек, кто оказывал мне поддержку в издании моего труда, посвященного таинству, прозе и волшебству детства.

Мои друзья, читая «Таинство детства», не раз выражали мне свое восхищение моими дневниковыми записями – слогом, стилем, содержанием и проч. До времени их слова я воспринимала как доброжелательное отношение ко мне.

Так, например, мой коллега по МПГУ, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Михаил Ростиславович Львов (1927–2015), занимая в те годы (1977–1988) должность проректора по науке, настоятельно советовал мне отнести эту книгу в Союз писателей, объясняя это тем, что все сотрудники его кафедры любят и ценят эту книгу. Особенно значимо для них и интересно было наблюдать тенденции развития детской речи. Михаил Ростиславович не раз говорил мне: «Поверьте мне: «Таинство детства» – лучшее Ваше детище, Валерия Сергеевна! Ничего лучше Вы уже не сделаете». Мне тогда было весьма обидно слушать эти пророчества – ведь впереди меня ждала долгая жизнь в науке. Я так на это надеялась!*

Роман Семенович Сеф (1931–2009), советский детский поэт, писатель и драматург, переводчик, сценарист, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, председатель Ассоциации детских писателей Москвы, член комиссии по Государственным премиям при Президенте Российской Федерации и мн. др. В качестве моего друга он также побуждал меня писать книги и становиться профессиональным писателем.

* Помимо этого достижения (три издания книги «Таинство детства»), я обрела себя в прозрениях моего видения феноменологии развития и бытия человека как личности в контексте истории человечества. Идеи моей концепции укрепились в *шести* изданиях монографии, перерабатываемых и дополняемых всякий раз, а также в 17 изданиях авторского учебника для учащихся университетов, перерабатываемых и дополняемых, и еще в бесчисленном количестве статей, опубликованных в журналах ВАК. У меня за время моей жизни в науке вышло много больше статей, книг, учебников, программ и др., чем *шесть сотен* изданий, многие из которых были не единожды переведены на языки стран мира.

К публикации «Таинства детства» призывали меня и другие мои друзья. Роман Сеф ратовал за то, чтобы меня приняли в Союз писателей.

Как бы то ни было, Роман однажды отнес мой двухтомный труд «Таинство детства» в Союз писателей. И через два месяца я, к моему удивлению и радости, стала членом этого союза.

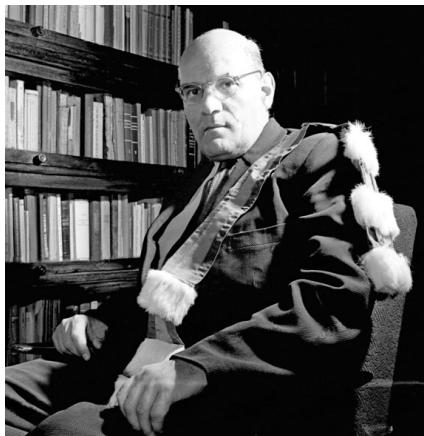
Меня поддерживали: 1. Сергей Владимирович Михалков (1913–2009) – замечательный советский детский писатель, автор текста гимна Российской Федерации, председатель Союза писателей РСФСР; 2. Токмакова Ирина Петровна (1929–2018) – детский поэт и прозаик, переводчик, лауреат Государственной премии Российской Федерации за произведения для детей и юношества; 3. Роман Семенович Сеф – инициатор этого действия.

Здесь я описала некоторые события, которые происходили вначале за пределами моего обыденного проживания на белом свете, но в какой-то момент происходили мгновения, когда «звезды на небе сходились» и что-то значимое для моего существования в мире вдруг случалось. Так я стала членом Союза писателей России.

«В такие времена, Надежда Николаевна, я всегда чувствовала Ваше присутствие и ощущала помощь от Ваших посылов ко мне. Спасибо Вам, дорогой мой Человек!»

Для меня Надежда Николаевна стала Учителем с большой буквы. Полюбив этого человека, я навсегда сохранила ее образ и ее послы в своем сердце и в своем сознании.

Надежда Николаевна тесно сотрудничала с замечательным ученым Борисом Федоровичем Поршневым (1905–1972), историком и философом, автором выдающейся монографии «О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии» [7]*.

Борис Федорович Поршнев

2-е издание монографии Б.Ф. Поршнева
«О начале человеческой истории.
Проблемы палеопсихологии» (2007)

* После кончины Б.Ф. Поршнева в 2007 г. вышло 2-е издание его фундаментальной работы «О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии» [7].

Монография посвящена проблеме происхождения общественного человека и человеческого общества. В отличие от доминирующих в мировой науке подходов, анализирующих переход от животного к человеку в модели «особь – среда», Б.Ф. Поршнев ставил в центр своего понимания модель «особь – особь». Главное место в его теории заняло исследование трансформации животного в человека с точки зрения психологии и физиологии высшей нервной деятельности. На основе собственных опытов и полевых исследований Борис Федорович выявил и глубоко проанализировал механизмы воздействия особей друг на друга. Им реконструированы условия, вызвавшие формирование и использование этого механизма ближайшими предками человека, а также первые этапы развития человека, вплоть до появления речи, психики, мышления, творчества и социальных институтов [7].

Подобных исследований механизмов воздействия одной особи на другую как решающего фактора трансформации животного в человека, заложившей фундамент всего дальнейшего исторического развития человечества, в мировой научной литературе нет и по сей день.

В своей работе «Социальная психология и история» Б.Ф. Поршнев обосновывал, что психика человека социальна, ибо она в огромной степени обусловлена общественно-исторической средой [8]. В большей части его монографии речь идет об основных категориях социальной психологии. Принципиальное внимание он уделял категориям «мы» и «они».

Согласно Б.Ф. Поршневу, «мы» и «они» – импульс первоначального расселения людей. Вся огромная человеческая история – это тоже «мы» и «они». Ученый писал: «Для того чтобы решить проблему принципиальной возможности социальной психологии, надо прежде всего на место понятий “я”, “ты”, “он” поставить в качестве более коренных, исходных “мы”, “вы”, “они”» [Там же, с. 80]. При этом, «если рассматривать вопрос именно с субъективной, психологической плоскости, “они” еще первичнее, чем “мы”. Первым актом социальной психологии надо считать появление в голове индивида представления о “них”» [Там же, с. 81]. Ученый рассуждал, что при ясно выраженном сознании «они» – это не «мы» и, наоборот, «мы» – это не «они»: «Только ощущение того, что есть “они”, рождает желание самоопределиться по отношению к “ним”, обособиться от “них” в качестве “мы”» [Там же, с. 81]. При этом: «Чужих узнают по их отличию от своих, своих – по отличию от чужих» [Там же, с. 98]. И далее: «Именно противопоставление своей общности другой всегда способствовало фиксации и активному закреплению своих этнических отличий и тем самым – скреплению общности» [Там же, с. 99].

Надежда Николаевна поддерживала дружеские связи с Борисом Федоровичем Поршневым. Двум блистательным ученым было о чем говорить друг с другом, несмотря на кажущиеся различия в их глубинных ориентациях на отрасли наук.

Надежда Николаевна и Борис Федорович часто встречались на территории музея и обсуждали значимые для них проблемы происхождения человека из доисторических предтеч. Они были единомышленниками и поддерживали друг друга, хотя каждый шел в науке своим путем. Эти два

Юбилей Н.Н. Ладыгиной-Котс отмечали в Большой аудитории главного корпуса МГПИ им. В.И. Ленина. 19 мая 1959 г.

человека глубоко уважали и понимали друг друга. Оба они были честными, бескомпромиссными учеными и яркими, уникальными личностями.

В свои юные лета в доме Н.Н. Ладыгиной-Котс я была представлена Борису Федоровичу, который так же начал опекать меня. Вскоре и его я стала считать своим учителем.

В ту пору Б.Ф. Поршнев был фанатично увлечен проблемой реликтовых гоминоидов. В 1958 г. по его инициативе при АН СССР была создана Комиссия по изучению вопроса о снежном человеке. Комиссия предоставляла ежегодные отчеты об экспедициях, а Б.Ф. Поршнев написал монографию «Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах» [9]. Известный российский ученый-зоолог и биогеограф, доктор биологических наук, профессор географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Николай Николаевич Дроздов недавно подготовил в свет второе издание этой книги Б.Ф. Поршнева [9].

Ученый выдвинул гипотезу о том, что сегодня на Земле продолжают обитать представители некой ветви нашего антропологического древа общих предков, ветви, обособившейся в ходе эволюции.

Авторитет Б.Ф. Поршнева в науке был очень велик. Сила его страстной включенности во вновь открытую проблему была столь мощна, что однажды, после бурного заседания в стенах АН СССР, ему удалось переломить взгляды скептически настроенных ученых.

Вместе со своими единомышленниками Б.Ф. Поршнев создал банк данных результатов поиска снежного человека. К этой работе энергичный человек – Борис Федорович – и поддерживающие его члены сообщества относились весьма энтузиастично. Они привлекали к работе Академии наук союзных республик, проводили опросы среди охотников, геологов, жителей отдаленных от городов поселений. Делали запросы и устанавливали связи с отдельными учеными и научными учреждениями других стран.

В пору поиска Борисом Федоровичем реликтовых гоминоидов время от времени в средствах массовой информации мелькали сообщения о найденных следах (иногда даже о встречах!) снежного человека...

В какой-то момент нашего общения, будучи у ученого дома*, я рассказала ему, что еще в подростковом возрасте читала о случившейся с Иваном Сергеевичем Тургеневым загадочной истории, о которой он поведал своему другу Ги де Мопассану. Знаменитый классик французской литературы записал и впоследствии опубликовал рассказ Ивана Сергеевича, назвав его «Страх»**. Вот эта короткая, но весьма примечательная история:

«Будучи еще молодым, он [И.С. Тургенев, – В.М.] как-то охотился в русском лесу. Он бродил весь день и к вечеру вышел на берег тихой речки. Она струилась под сенью деревьев, вся заросшая травой, глубокая, холодная, чистая. Охотника охватило непреодолимое желание окунуться в эту прозрачную воду. Раздевшись, он бросился в нее.

Он был высокого роста, силен, крепок и хорошо плавал. Он спокойно отдался на волю течения, которое тихо его уносило. Травы и корни задевали тело, и легкое прикосновение стеблей было приятно.

Вдруг чья-то рука дотронулась до его плеча. Он быстро обернулся и увидел страшное существо, которое разглядывало его с жадным любопытством. Оно было похоже не то на женщину, не то на обезьяну. У него было широкое, морщинистое, гримасничающее и смеющееся лицо. Что-то неопишемое – два каких-то мешка, очевидно груди, болтались спереди; длинные спутанные волосы, порывшиеся от солнца, обрамляли лицо и развевались за спиной.

Тургенев почувствовал дикий, леденящий страх перед сверхъестественным. Не раздумывая, не пытаясь понять, осмыслить, что это такое, он изо всех сил поплыл к берегу. Но чудовище плыло еще быстрее и с радостным визгом касалось его шеи, спины и ног. Наконец молодой человек, обезумевший от страха, добрался до берега и со всех ног пустился бежать по лесу, бросив одежду и ружье.

Страшное существо последовало за ним; оно бежало так же быстро и по-прежнему взвизгивало.

Обессиленный беглец – ноги у него подкашивались от ужаса – уже готов был свалиться, когда прибежал вооруженный кнутом мальчик, пасший стадо коз. Он стал хлестать отвратительного человекоподобного зверя, который пустился наутек, крича от боли. Вскоре это существо, похожее на самку гориллы, исчезло в зарослях...»***.

* Борис Федорович пригласил меня работать с ним над его рукописью: помогать ему в организации материалов. Общаясь со мной, он непрестанно говорил о проблемах науки и, конечно же, о снежном человеке. В эти моменты глаза его горели – он был чрезвычайно вдохновлен тем, о чем он мне повествовал. Я оказалась благодарным слушателем, с неподдельным интересом внимая его рассказам. Борис Федорович интересовался моими публикациями о подражании у шимпанзе и детей раннего возраста. Он гордился моими откровениями особенностей подражания у шимпанзе и малых деток.

** Мопассан Г., де. Страх // Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 10. М., 1958, С. 336–343.

*** Там же, С. 339–340.

Борис Федорович, ликуя, обнял меня... Он был увлечен реликтовым существом как ребенок. Или... как истинный исследователь.

Позднее координирующим центром стал научный семинар по реликтовым гоминоидам при Дарвиновском музее в Москве.

Б.Ф. Поршнев, А.Ф. Котс и Н.Н. Ладыгина-Котс согласно и заинтересованно размышляли над проблемой.

Дома в библиотеке Б.Ф. Поршнева хранились многие изданные в мире книги о снежном человеке*. Сам он неоднократно выезжал в экспедиции на поиски этого неуловимого создания и был бескомпромиссен в своей целеустремленности. Однако Академия наук СССР начала постепенно уклоняться от поддержки инициатив, связанных со снежным человеком.

Хочу передать один диалог между двумя столь почитаемыми мной людьми. Общение происходило в кабинете Надежды Николаевны.

«Борис Федорович: Надежда Николаевна! Мне предлагают подать документы в Академию наук.

Надежда Николаевна: Прекрасно! Поздравляю!

Борис Федорович: Но они мне поставили одно условие... Я должен “перестать гоняться за снежным человеком”.

Надежда Николаевна: Ну а вы?

Борис Федорович: Конечно, не перестану!

Надежда Николаевна: Вот и хорошо» [10, с. 9].

Затем дорогие мне люди начали обсуждать проблему личности ученого. Затаив дыхание, я слушала речи двух истинных ученых, двух истинно цельных личностей.

Как я это видела и чувствовала, Надежда Николаевна проживала свою человеческую и научную жизнь в любви мужа и близких по духу единомышленников, которые всегда испытывали к ней вместе с глубоким уважением чувство нежности и восхищения. Причем не только как ученым, но и как женщиной.

«Надежда Николаевна! – обращаюсь я к дорогому для меня человеку сквозь время и пространство. – Вы всегда для меня образец для размышлений и самоконтроля. Вы всегда помогаете мне выделять себя»

Не только глубокая включенность в научные проблемы, но и личностная позиция определяют путь человека в науке. Модель Б.Ф. Поршнева начала человеческой истории «особь – особь» и модель человеческих отношений «человек – человек», представленная К. Марксом и Ф. Энгельсом, являются фундаментальной, сущностной методологической позицией, объясняющей вырастание в человеке личностного начала. Человек сам «выделяет себя», как об этом замечательно написал в своих дневниках Ф.М. Достоевский: «сделаться человеком нельзя разом, а *надо выделить*» (курсив мой. – В.М.) [11, с. 47].

Мне необычайно повезло: на моих глазах два выдающихся человека и ученых, две незаурядные личности беседовали о нравственных принци-

* Во втором издании книги «Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах» в Заключении читаем утверждение Б.Ф. Поршнева: «Мне неизвестно ни одно свидетельство против реликтового гоминоида» [9, с. 556].

пах, не ведая о том, что в тот момент для меня они были примером нравственного выбора в науке и в жизни.

Мои учителя дали мне энергетический и духовный толчок к движению в познании. Мышление начинается с возникновения вопроса, с формулирования возникшей в сознании проблемы. Стремление прояснить для себя и отрасли науки, в недра которой ты вторгся, – начало построения гипотез и поиска ответов...

После защиты докторской диссертации в 1972 г. я начала проблемно подходить к историческому пути человеческого рода и к видению феномена человека в двух его ипостасях – как социальной единицы и как уникальной личности.

За последние 12 лет я шесть раз переиздавала значимый для меня как ученого, уверена – что и для науки в целом, труд «Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты)» (2007, 2010, 2013, 2014, 2017, 2019) [10]. И всякий раз меня настигали новые и новые проблемные вопросы.

И сегодня я нахожусь в состоянии предстартовой готовности к поиску ответов на вопросы, которые меня настигают.

Сегодня (весной и летом 2019 г.) я продолжаю трудиться над значимыми для меня и науки проблемами, связанными с феноменом человека как социальной единицы и как уникальной личности.

Размышляю над открывшимися перед моим умственным взором четырем внешними реалиями, которые человечество создавало и продолжает создавать в процессе своего исторического пути. Эти реалии суть: 1 – предметного мира; 2 – образно-знаковых систем; 3 – природы в контексте ее исторического восприятия человеком и постепенного понимания им, что природа для него отнюдь не объект, а субъект; человек обязан приложить максимум ума, души и духовного потенциала, чтобы по возможности вступить с природой в субъект-субъектные отношения и по мере разума и сил поддерживать жизнь на планете Земля; 4 – социально-нормативного пространства.

Продолжаю исследовать феноменологию сознания человека и его внутреннюю позицию; особое внимание уделяю так называемому чувству личности, которое появляется в виде некой предтечи в человеке еще до того, как он начинает осознавать, что значит быть личностью.

Исследую феномен осознания человеком жизни и смерти, а также феномен духовного производства индивидуальным человеком и человечеством в целом.

Исследую еще множество других проблем личности и человеческого сообщества.

Я всегда буду благодарна Надежде Николаевне Ладыгиной-Котс, которая пестовала меня в начале моего пути в обыденную жизнь и в науку.

«Надежда Николаевна, дорогая моя! Это Вы научили меня тому библейскому заповедному знанию, что смотреть и видеть не одно и то же: смотрят все зрячие. Видят посвященные. Или обученные видению. Именно Вы научили меня видеть»

И еще: *«Чарлз Роберт Дарвин – Альфред Рассел Уоллес – Александр Федорович Котс – Надежда Николаевна Ладыгина-Котс! Вы со мной со*

времен моего детства и поныне. Я навсегда с вами сквозь время и пространство, отведенные мне»

Надежда Николаевна всегда была активна в своих взаимоотношениях с учеными своей страны и Европы. Она поддерживала переписку со многими учеными, работающими в сопряженных с ее интересами областях наук. Будучи моим истинным учителем, она не только переводила для меня работы с европейских языков, но и отправляла результаты моих наблюдений и исследований на конференции в Европу как материалы для книг, которые писали ее знаменитые коллеги.

Так, переписываясь с британским зоологом и этологом Десмондом Моррисом (р. 1928), который в ту пору работал над монографией «Биология искусства», она передала ему собранные мною в Сухумском обезьяньем питомнике рисунки капуцинов и шимпанзе. Эти рисунки Д. Моррис опубликовал и по-своему прокомментировал на страницах своей книги [12].

Надежда Николаевна последовательно вводила меня в науку.

Н.Н. Ладыгина-Котс принимала участие в издании на русском языке книг Яна Дембовского «Психология животных» и «Психология обезьян». Ян Дембовский не раз посещал Надежду Николаевну в нашей стране: ученые сотрудничали в значимой для обеих области знаний.

Интерес к биению пульса науки в избранном направлении знаний сопровождал Надежду Николаевну до конца ее замечательного, уникального жизненного пути.

Супруги Котс стремились найти для Дарвиновского музея более просторные площади, но – увы! – музей переехал в новое, специально построенное для него здание на улице Дмитрия Ульянова лишь после кончины обоих ученых.

Надежда Николаевна ушла в мир иной из-за болезни сердца. В день,

Государственный Дарвиновский музей

когда жизнь угасала в теле этой женщины, последней связью с миром была бабочка, которая шумно билась о стекла в своем стремлении на свет. Надежда Николаевна, обратив на бабочку взор, жестом указала на окно. Находившаяся рядом Наталья Федоровна Левыкина открыла окно – бабочка тут же упорхнула.

Надежда Николаевна едва заметно улыбнулась и закрыла глаза...

Александр Федорович был неутешен. Он страдал по ушедшей Наденьке и говорил о ней постоянно. Иногда он говорил с ней...

Через короткое время Александр Федорович ушел вслед за своей единственной...

«Дорогие Надежда Николаевна и Александр Федорович! Вы в моем сердце, всегда люблю вас. Вы – настоящие. Вы живы...»

Профессиональные отечественные и зарубежные детские психологи, приматологи, сравнительные психологи, антропологи, биологи и др. неизменно продолжают отсылать себя к идеям и экспериментальным резуль-

Московские высшие женские курсы. В центре – Александр Федорович Котс и Надежда Николаевна Ладыгина

татам Надежды Николаевны. Нередко новые поколения ученых берут себе за правило продолжить внимательно изучать идеи и принципиальные подходы к научной работе Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс.

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс, выпускница Высших женских курсов, большая часть творческой жизни которой прошла в Дарвиновском музее, размещавшимся в то время в стенах МГПИ имени В.И. Ленина, являет собой образец высокой духовности, чистой и глубокой личности, истинного представителя интеллигенции.

1. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека: в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях (со 145 таблицами). М., 1935; 2-е изд. М., 2011.

2. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян (шимпанзе). М., 1959.

3. *Вагнер В.* Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология). Т. 1. СПб.; М., б.г.

4. *Мухина В.С.* Развитие психики и сознания // *Общая психология* / под ред. академика АПН СССР А.В. Петровского. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1986. С. 63–91.

5. *Мухина В.С.* Близнецы. М., 1969; 2-е изд. М., 1997.

6. *Мухина В.С.* Тайнство детства. М., 1998; 2-е изд. СПб., 2000; 3-е изд. Екатеринбург, 2005.

7. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М., 1974; 2-е изд. СПб., 2007.

8. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд., доп. и испр. М., 1979.

9. *Поршнев Б.Ф.* Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах. М., 1963; 2-е изд. Загадка снежного человека: современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах. М., 2012. (Тайная история человечества).

10. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). 6-е изд., испр. и доп. М., 2019.

11. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 год. Январь – август // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 25. Л., 1983.

12. Morris D. *The Biology of Art*. London, 1962.

References

1. Ladygina-Kohts N.N. *Infant ape and human child (instincts, emotions, play, habits) (with 145 plates)*. Moscow, 1935; 2nd ed. Moscow, 2011 (in Russian).

2. Ladygina-Kots N.N. *Konstruktivnaya i orudijnaya deyatel'nost' vys-shih obez'yan (shimpanze)*. Moscow, 1959 (in Russian).

3. Vagner V. *Biologicheskie osnovaniya sravnitel'noj psikhologii (Biopsikhologiya)*. Vol. 1. St. Petersburg; Moscow, s.a. (in Russian).

4. Mukhina V.S. *Razvitie psikhiki i soznaniya*. In: *Obshchaya psikhologiya*. Edited by academic APS USSR A.V. Petrovsky. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow, 1986, pp. 63–91 (in Russian).

5. Mukhina V.S. *Bliznetsy*. Moscow, 1969; 2nd ed., Moscow, 1997 (in Russian).

6. Mukhina V.S. *Tainstvo detstva*. Moscow, 1998; 2nd ed. St. Petersburg, 2000; 3rd ed. Ekaterinburg, 2005 (in Russian).

7. Porshnev B.F. *O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsikhologii*. Moscow, 1974; 2nd ed. St. Petersburg, 2007 (in Russian).

8. Porshnev B.F. *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya*. 2nd ed., corrected and added. Moscow, 1979 (in Russian).

9. Porshnev B.F. *Sovremennoe sostoyanie voprosa o reliktovykh gominoidakh*. Moscow, 1963; 2nd ed. Zagadka snezhnogo cheloveka: sovremennoe sostoyanie voprosa o reliktovykh gominoidah. (Tajnaya istoriya chelovechestva) Moscow, 2012 (in Russian).

10. Mukhina V.S. *Lichnost': Mify i Real'nost' (Al'ternativnyj vzglyad. Sistemnyj podkhod. Innovatsionnye aspekty)*. 6th ed., corrected and added. Moscow, 2019 (in Russian).

11. Dostoevsky F.M. *Dnevnik pisatelya za 1877 god. Yanvar – Avgust. Polnoe sobranie sochinenij*: in 30 vols. Vol. 25. Leningrad, 1983 (in Russian).

12. Morris D. *The Biology of Art*. London, 1962.
